

Г. А. Юнгус

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРОВОДНИКА И ПОСРЕДНИКА-МЕДИАТОРА С ОКРУЖАЮЩИМ МИРОМ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ТАЙГЕ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ДЕРСУ УЗАЛА В СОЧИНЕНИЯХ В. К. АРСЕНЬЕВА

Литературное наследие В. К. Арсеньева уже много лет вызывает неподдельный интерес со стороны научного сообщества. В соответствии с указом президента Российской Федерации 2022 год был объявлен годом празднования 150-летия со «дня рождения знаменитого исследователя, путешественника, учёного и писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева» [6, с. 56]. А начиная с 2019 года, с целью популяризации творчества писателя [5, с. 110], Российским фондом культуры ежегодно проводится общественная литературная премия «Дальний Восток» его имени.

Действительно, В. К. Арсеньев был достаточно необычным человеком, обладавшим множественными дарованиями. С одной стороны, он — кадровый военный, путешественник, первооткрыватель и исследователь дальневосточных земель, а с другой — талантливый писатель, благодаря творчеству которого мир узнал о скромном таёжном охотнике и проводнике Дерсу Узала, чей образ был настолько популярным и запоминающимся, что уже через несколько десятилетий стал неотъемлемой частью не только русского, но и мирового культурного наследия.

Образ Дерсу Узала в сочинениях В. К. Арсеньева является не просто олицетворением гармоничного сосуществования человека с природой, но и содержит ярко выраженные черты медиатора — посредника по урегулированию острых конфликтных ситуаций. Умения примирить людей и сгладить социальные угловатости Дерсу Узалой оказались едва ли не ключевыми факторами, обеспечившими успех проведённых В. К. Арсеньевым экспедиций. Дерсу Узала благодаря своей неподражаемой самобытности изображается Арсеньевым как мудрец, выражающий глубокое уважение к окружающему миру и человеку. Разумеется, в современном исследовательском дискурсе образ Дерсу Узала не может восприниматься исключительно с художественной точки зрения, ведь несмотря на то, что Арсеньев в своём литературном труде пытался сохранить реальную историческую фабулу, сведения, содержащиеся в его путевых записках, порой диссонируют с содержательной частью произведений «Дерсу Узала» и «По Уссурийскому краю».

Исследователи объясняют это тем, что путевые записки автора являются достаточно сложным источником для исследования. Это продиктовано самими обстоятельствами, при которых он составлял свои записи: «Нередко одна и та же общая тетрадь служила одновременно и путевым дневником, и рабочей тетрадью, и записной книжкой, и даже своеобразным альбомом» [11, с. 85–86]. Однако, несмотря на это обстоятельство, личность Дерсу Узала, описанная в сочинениях В. К. Арсеньева, занимает особое место в дальневосточной таёжной этике и художественной литературе.

Первые труды учёного издавались в Хабаровске и во Владивостоке в период с 1922 по 1928 год. Именно тогда писатель пожертвовал книгу «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г.» в библиотеку Хабаровского краевого музея [7, с. 102]. Дерсу является собирательным образом первобытного нанайского охотника, несущего в себе нравственный идеал и выступающего в качестве сакрального посредника между природой и человеком, а также между представителями различных социальных страт, проживающих в таёжной среде. Благодаря письменному наследию В. К. Арсеньева, хранящемуся в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки, также осуществляется «поддержка и развитие этнических культур коренных малочисленных народов Дальнего Востока» [12, с. 66].

Основной целью данной статьи является осмысление имеющихся противоречий, возникающих в рамках медиации, — примирения двух противоборствующих сторон на примере жизни и деятельности Дерсу Узала, описанных в литературном наследии В. К. Арсеньева. Автор статьи выявляет ключевые противоречия в восприятии и толковании сущности посредничества в таких трудах В. К. Арсеньева, как «Дерсу Узала» и «По Уссурийскому краю».

Дерсу Узала едва ли не с момента знакомства с В. К. Арсеньевым занял особое место в его жизни. Дерсу был не просто аборигеном, которого наняли в качестве проводника, а стал самым настоящим другом писателя и ближайшим помощником в длительных экспедициях. Многие исследователи задавались вопросом, что именно могло так сроднить двух совершенно разных людей — образованного столичного офицера и уже немолодого охотника-инородца, который всю жизнь провёл в тайге. Ответ на этот, на первый взгляд непростой, вопрос на самом деле лежит на поверхности — они оба старались понять природу вещей, окружающий мир и его устройство [8, с. 6]. У каждого из них были свои средства для достижения

поставленных целей. Владимир Клавдиевич занимался дневниковым описанием местности, флоры и фауны, фиксировал всё новое и диковинное для себя: «Нигде не было видно чистого ровного места. Все горы, острые сопки, высокие горы, низкие, широкие и узкие долины, извивающиеся во все стороны и в разных направлениях, сплошь покрыты лесом. Тайга, тайга и тайга. Глядя на эту сплошную необозримую массу лесов, теряющуюся вместе с горами на горизонте, положительно становится жутко при мысли быть одиноко затерянным в этой дикой пустыне» [2, с. 470]. А Дерсу воспринимал это всё как свою родную обитель, с которой он давно неразрывно соединён и частью которой он всегда являлся. Где для Арсеньева была лишь «дикая пустыня», Дерсу мог спокойно существовать [10, с. 111]. Сам Арсеньев описывает Дерсу следующим образом: «Ему (Дерсу. — Г. Ю.) теперь пятьдесят три года, у него никогда не было дама, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья и бересты. Первыми проблесками его детских воспоминаний были река, шалаш, огонь, отец, мать и сестренки» [3, с. 12].

Важным фактором в построении дружественных взаимоотношений между путешественником и проводником стала мировоззренческая парадигма последнего, в частности его отношение к природе, людям и животным. Абсолютно всех живых существ, включая животных и растения, Дерсу именовал людьми. На вопрос В. К. Арсеньева, почему он называет всех людьми, охотник ответил: «Его все равно люди... только рубашка другой» [3, с. 21].

Оказавшись на Дальнем Востоке и столкнувшись со многими трудностями, В. К. Арсеньев как никто осознал, насколько незначительным является человек перед обликом неизведанной и таинственной природы. В цивилизованных условиях начала XX века, в разгар гуманизма и просвещения, когда образованные слои общества считали себя властителями мира, Владимир Клавдиевич открыл для себя неизведанные и непокорённые широты Дальнего Востока. Примирение человека с этой неизведанностью стало лейтмотивом всего повествования о таёжном охотнике, без участия которого само путешествие стало бы невозможным. В. К. Арсеньев, оказавшись в тайге, описывал её следующим образом: «По отношению к человеку природа безжалостна. После короткой ласки она вдруг нападает и как будто нарочно старается подчеркнуть его беспомощность. Путешественнику постоянно приходится иметь дело со стихиями: дождь, ветер, наводнение, гнус, болота, холод, снег и т. д. Даже самый лес представляет собой стихию. Дерсу не находился под давлением природы. Он скорее был в соответствии с

окружающей его обстановкой» [3, с. 177]. Именно благодаря Дерсу, который являлся живой частью этого мира и стал проводником не только в географическом, но и в экзистенциальном, глубоко сакральном отношении, Арсеньев сумел талантливо интерпретировать мировоззренческие основы таёжного охотника и филигранно передать его образ художественным языком. Здесь следует акцентировать особое внимание на отношении В. К. Арсеньева к Дерсу, который не только сумел построить с инородцем хорошие отношения без открытой кичливости и спеси, а стать для него самым настоящим другом и впоследствии сделать его главным персонажем своего литературного произведения.

К слову, подобное отношение к инородцам со стороны русских путешественников приобретает совсем иной оттенок в сравнении с тем, как в подобных ситуациях поступали представители западного общества. К примеру, в сочинении английского автора Д. Конрада «Сердце тьмы», которое он написал после путешествия по Африканскому континенту в начале XX века, приблизительно в то же время, когда В. К. Арсеньев путешествовал по Дальнему Востоку, описано отношение к местному населению, проживавшему в районе реки Конго, со стороны прибывших англичан: «мы, белые, достигшие известной степени развития, должны казаться им (дикарям) существами сверхъестественными. Мы к ним приходим могущественными, словно боги» [9, с. 37]. По мнению некоторых исследователей, Д. Конрад целенаправленно подчёркивал и актуализировал в своём произведении проблему взаимоотношения «цивилизованного человека» и природы, акцентируя внимание на том, что городскому жителю невозможно существовать в диких условиях [13, с. 50].

Совсем иначе данный феномен воспринимает В. К. Арсеньев, для которого природа выступает великим и непостижимым средоточием стихий, перед которыми человеческая слабость обнажается, однако не отвергается. Арсеньев указывает на важность примирения тайги с человеком и самих людей между собой для преодоления тех сложностей и опасностей, которые в тайге встречаются.

Из-за огромного количества опасностей, подстерегающих путешественников в тайге, Арсеньев поначалу полагал, что все аборигены в своей жизни руководствуются в первую очередь инстинктом самосохранения и ставят собственные интересы в ущерб коллективным. Однако после знакомства с Дерсу его мнение кардинально меняется: «Раньше я думал, что эгоизм особенно свойственен дикому человеку, а чувство гуманности, человеколюбия

и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибся ли я?..» [3, с. 29].

Главные герои сочинений «Дерсу Узала» и «По Уссурийскому краю» воспринимаются читателем не одинаково. Дерсу находится в естественной для себя среде, можно сказать, он пребывает в домашних условиях. Для повествователя это неизведанный мир, который он для себя постепенно приоткрывает. Здесь автор вводит социальную парадигму посредника и проводника, в рамках которой Дерсу Узала выступает в качестве медиатора — посредника в конфликте между природой и человеком. При этом сам охотник полностью осознаёт всю степень ответственности за то, что он является посредником между идеалистическими устремлениями культуры и единичной личностью. Как посредник, Дерсу, основываясь на личном опыте, способен минимизировать потенциальные риски, возникающие перед путешественниками в тайге, и построить конструктивный диалог, способствующий достижению мира как между природой и человеком, так и между самими людьми. Дерсу, как медиатор, становится участником двустороннего педагогического процесса, подразумевающего предоставление своим ученикам соответствующих знаний, с одной стороны, и приобщение к поиску онтологического смысла этих знаний — с другой.

Как мы уже указывали выше, без участия Дерсу успех прохождения экспедиции Арсеньева по тайге был бы под вопросом. Арсеньев это сам чувствовал. Так, в повести он пишет, обращаясь к Дерсу: «Как только тебя нет около меня, чувствую, что чего-то не хватает. — Спасибо, капитан, — ответил он с улыбкой, — спасибо! Моя тоже так. Тебе сопка один ходи — моя шибко боится» [1, с. 383].

Дерсу в художественном тексте выступает как проводник среди полифонии голосов и мнений других литературных персонажей. Его интуитивные и приобретённые коммуникативные способности давали возможность понимать и чувствовать другое живое существо, с которым его сводила его таёжная тропа, будь то человек или зверь. В. К. Арсеньев по этому поводу писал: «Путешествуя с Дерсу и приглядываясь к его приемам, я неоднократно поражаюсь, до какой степени были развиты в нем эти способности» [3, с. 4].

Термин «полифония» в контексте человеческой коммуникации предложил русский философ, культуролог и литературовед М. Бахтин. В основе полифонии, по его утверждению, лежит диалог и, как следствие, диалогические отношения, которые рассматриваются как явление, «пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни,

вообще всё, что имеет смысл и значение» [4, с. 75]. Диалог уже по своей этимологии имеет двойственную структуру, где $\Delta\acute{\iota}\alpha$ — с гр. «через» и $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ — «слово». Это свидетельствуют о том, что взаимодействие между людьми возможно лишь посредством слова, шире — языка. Без этого посредника контакт с окружающим миром невозможен.

Дерсу всегда искренен в общении с другими людьми. Он, как человек, воспринимающий окружающий мир с позиции слова как долженствования, как значимого события, а не пустого звука, в своей простоте во многом, сам того не осознавая, подражал древнегреческим философам. К примеру, Платон, как известно, основным принципом поиска Истины считал именно диалог. В этой связи примечательным является тот факт, что получать информацию от собеседника Дерсу предпочитал также в форме диалога, из-за чего беседы с ним по своему формату во многом напоминают диалоги Платона, составленные в соответствии с принципом майевтики.

Следует отметить, что образы посредников по примирению встречались до этого в художественных текстах иных русских писателей. Впервые феномен медиации в контексте построения общественных отношений рассматривается у таких российских философов, как Лев Толстой, Иван Тургенев и Михаил Бахтин. Русские мыслители и литераторы, как правило, рассматривали субъективную сторону акта примирения и внутреннюю мотивацию обращения участников данного процесса к посреднику для завершения или предотвращения конфликта.

Конфликтогенность социальных отношений в момент прохождения экспедиции в глухой тайге чётко отражена в этих словах: «Человек, завидевший другого человека, прежде всего должен спрятаться и приготовить винтовку» [3, с. 89]. Для экспедиции нужен был проводник, который имел навык посредничества в диалоге и нахождении взаимопонимания с таёжными жителями, кем и стал Дерсу.

В повести «Дерсу Узала» В. К. Арсеньев указывает, что в тайге можно встретить достаточно опасных людей — «промышленников». Так было принято называть тех, кто «не прочь угнать чужую лодку, убить корову и продать мясо ее за оленину» [3, с. 89–90]. Автор произведения подчёркивает, что «встреча с таким “промышленником” гораздо опаснее, чем встреча со зверем. Надо всегда быть готовым к обороне. Малейшая оплошность — и неопытный охотник погиб. Старые охотники с первого взгляда разбирают, с кем имеют дело — с порядочным человеком или с разбойником» [3, с. 89–90].

Очень часто неопытному путешественнику в тайге на расстоянии может показаться нечто незнакомое и пугающее. Подобные «миражи» возникают из-за естественных оптических явлений либо же являются быстро перемещающимися животными, которых едва успевали заметить не знакомые с местностью люди. Однако и в таких случаях Дерсу Узала умел найти объяснения и успокоить настороженных спутников. В его мировоззрении видимый, материальный мир очень тесно соприкасается с миром трансцендентным, который лишь явным образом проявляется в тенях. Тень для охотника никогда не была чем-то физически обусловленным, а воспринималась исключительно в астральном отношении, как проявление потустороннего — души. «По его представлению, душу — тень (ханя) — имеют не только люди, животные, птицы, рыбы, насекомые, но и растения, и камни и вообще все неодушевленные предметы. «Люди спи, — говорил Дерсу, — ханя ходи; ханя назад ходи — люди проснулся. Душа оставляет тело, странствует и многое видит в то время, когда человек спит. Этим объясняются сны. Душа неодушевленных предметов тоже может оставлять свою материю. Виденный нами мираж, с точки зрения Дерсу, был тенью (ханя) тех предметов, которые в это время находились в состоянии покоя. Так первобытный человек, одушевляя природу, просто объясняет такое сложное оптическое явление, как мираж» [1, с. 68].

Нередко Дерсу исполнял функции социального медиатора в отношении к лицам, с которыми был едва знаком. К примеру, однажды он познакомился с одним пожилым китайцем, который «не был похож на обыкновенных рабочих-китайцев. Эти руки с длинными пальцами, этот профиль и нос с горбинкой, и какое-то особенное выражение лица говорили за то, что он попал в тайгу случайно» [1, с. 91]. Арсеньев предположил, что китаец «беглый политический», однако в процессе беседы выяснилось, что необычный собеседник «...происходил из богатой семьи. Младший брат нанес ему кровную обиду. В деле этом была замешана женщина. Отец принял сторону брата. Тогда он оставил родительский дом и ушел на Сунгари, а оттуда переехал в Уссурийский край и поселился на реке Даубихе. <...> Под старость он уже не мог заниматься охотой и стал звероловом» [1, с. 91]. После непродолжительной беседы у костра Дерсу крайне почтительно обратился к китайцу с предложением примириться с родной семьёй хотя бы уже в старости. Арсеньев об этом пишет так: «я заметил, что Дерсу проходил мимо старика на носках, говорил шепотом и вообще старался не шуметь» [1, с. 92]. Сам Дерсу на вопрос, почему он так необычно себя ведёт, отвечал, что в случаях, когда

человек вспоминает свою жизнь, его нельзя беспокоить: «Не надо, капитан, — ответил мне тихонько гольд, усиленно подчеркивая слово “не надо”» [1, с. 92–93]. Утром китаец отправился домой, к своей семье. Таким образом мы видим, как Дерсу сумел убедить человека в необходимости примирения со своей семьёй и не дал своему спутнику как-нибудь нарушить покой китайца в столь значимый для него эмоциональный момент.

Дерсу, как литературный персонаж, обладает удивительной чертой — способностью легко выстроить хорошие взаимоотношения практически с любым человеком и принять позицию своего оппонента даже в крайне напряжённых жизненных обстоятельствах. К примеру, во время охоты Арсеньев случайно ранит Дерсу Узала, когда тот оказался между ним и диким кабаном. Проводник сразу принимает невинность Арсеньева и даже успокаивает того. В. К. Арсеньев пишет, что Дерсу не только сохранял спокойствие в этом случае, но и успокоил его самого: «Тут только я заметил, что я дрожу, как в лихорадке. Я сообщил Дерсу характер его ранения. Он тоже успокоился. Заметив волнение, он стал меня успокаивать: — Ничего капитан! Тебе виноват нету. Моя назади был. Как тебе понимай, что моя впереди ходи» [3, с. 190].

Таким образом, на примере литературного образа Дерсу Зала мы видим, что способность быть посредником и примирять людей в конфликтных и напряжённых ситуациях — это врождённый талант, не являющийся продуктом специализированного образованного и научного знания.

В. К. Арсеньев талантливо превращает художественный текст из краеведческого повествования в полноценный «социальный анализ», подробно раскрывающий особенности взаимоотношений между людьми в крайне сложных природных условиях. В данном контексте важным аспектом их взаимоотношения является коммуникация — важнейший инструмент построения общественных связей.

Дерсу Узала помогал Арсеньеву и его команде осознать важность личного опыта и поиска смысла в жизни. Он становится медиатором между их внутренним миром и внешней реальностью, помогая им найти смысл и цель в своих действиях. Кроме этого, он подчёркивает взаимосвязь всех живых существ и важность уважения к природе. Охотник становится посредником между людьми и природой, благодаря чему члены экспедиции Арсеньева сумели осознать свою принадлежность к природной экосистеме, гармоничное сосуществование с которой является залогом успешного путешествия.

В рамках совместной экспедиции Дерсу становится мостиком между восприятием и реальностью своих спутников, помогая им увидеть мир в новом свете и осознать его многогранность. Дерсу Узала выражает глубокую заботу о природе и людях, демонстрируя экспедиционной группе Арсеньева значимость взаимопомощи и уважения к другим жителям дальневосточной тайги. Он становится медиатором между их индивидуальными интересами и коллективными ценностями, таким образом помогая им осознать важность заботы и сотрудничества.

Дерсу Узала нередко выступает в качестве посредника между различными культурными идентичностями и мировоззренческими парадигмами, оказывая содействие В. К. Арсеньеву в налаживании диалога с коренным населением Дальнего Востока. Он показывает, что истинное понимание возможно только через открытый и уважительный диалог.

Таким образом, Дерсу Узала как медиатор выполняет множество функций, помогая В. К. Арсеньеву в преодолении культурных, эмоциональных и практических барьеров. Его роль можно рассматривать через призму различных философских концепций, которые подчёркивают важность взаимопонимания, гармонии и уважения между различными культурами, мировоззрениями и природой.

Мы сумели рассмотреть лишь немногие аспекты, связанные с литературным образом Дерсу Узала в сочинениях В. К. Арсеньева и некоторых исследовательских публикациях, которые посвящены анализу его творчества, а также затронули вопрос определения места его писательского наследия в контексте русской культуры и литературы. Но и сказанное выше позволяет утверждать, что литературное и философское наследие В. К. Арсеньева вызывает закономерный растущий интерес среди современников и открывает новые горизонты для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арсеньев, В. К. Дерсу Узала : романы / В. К. Арсеньев. — Москва : Вече, 2023. — 496 с.
2. Арсеньев, В. К. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2 : В горах Сихотелина. Сквозь тайгу. Дневники, очерки, статьи / В. К. Арсеньев ; послесл. В. Шевченко. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1997. — 624 с.
3. Арсеньев, В. К. По Уссурийскому краю / В. К. Арсеньев ; ред. С. Н. Кумкес. — Москва : Гос. изд-во геогр. лит., 1960. — 301 с.

4. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — 3-е изд. — Москва : Худож. лит., 1972. — 471 с.

5. Волкотрубова, О. Н. Премия имени В. К. Арсеньева: быть или не быть? / О. Н. Волкотрубова. — Текст : электронный // Вестн. Дальневост. гос. б-ки. — 2021. — № 2 (91). — С. 108–112. — URL: VEST_91_2021.pdf (vestnikdvgnb.ru) (дата обращения: 14.08.2024).

6. Волкотрубова, О. Н. «Писатели родного края»: только живое общение / О. Н. Волкотрубова. — Текст : электронный // Вестн. Дальневост. гос. б-ки. — 2022. — № 3 (96). — С. 51–57. — URL: VEST_96_2022.pdf (vestnikdvgnb.ru) (дата обращения: 14.08.2024).

7. Воропаева, А. В. Наследие В. К. Арсеньева: по фонду редких и ценных изданий ДВГНБ / А. В. Воропаева. — Текст : электронный // Вестн. Дальневост. гос. б-ки. — 2022. — № 2 (95). — С. 102–104. — URL: VEST_95_2022.pdf (vestnikdvgnb.ru) (дата обращения: 14.08.2024).

8. Джанджугазова, Е. А. Человек и Природа: непостижимость истины. Владимир Арсеньев — Дерсу Узала — Акира Куросава / Е. А. Джанджугазова. — Текст : электронный // Современ. проблемы сервиса и туризма. — 2014. — № 1. — С. 6–9. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-priroda-nepostizhimost-istiny-vladimir-arseniev-dersu-uzala-akira-kurosava/viewer> (дата обращения: 01.08.2024).

9. Конрад, Дж. Сердце тьмы и другие повести / Дж. Конрад; пер. А. В. Кривцова, М. П. Богословская. — Москва : Азбука, 2017. — 416 с.

10. Кузнецов, А. М. История Дерсу Узала, рассказанная В. К. Арсеньевым, как выражение «всемерстительности души» / А. М. Кузнецов // Изв. Вост. ин-та. — 2017. — № 3 (35). — С. 108–120.

11. Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А. И. Тарасова; отв. ред. В. С. Мясников. — Москва : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1985. — 344 с.

12. Якуба, Т. Ю. Роль ДВГНБ в гармонизации межэтнических отношений в региональном социуме / Т. Ю. Якуба // Современные тенденции развития библиотечно-информационных технологий : материалы шестой регион. науч.-практ. конф., Хабаровск, 12–15 окт. 2015 г. / Зонал. метод. об-ние вузов. б-к Хабар. края и Амур. обл. — Хабаровск : ТОГУ, 2015. — С. 63–67.

13. Яроцкая, Ю. А. Бремя белого человека — размышления В. К. Арсеньева и Р. Киплинга о том, «как убийственно мы любим» / Ю. А. Яроцкая // Арсеньевские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения В. К. Арсеньева. 28–29 авг. 2002 г. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. — С. 47–51.